

Глава 20. Я все равно буду любить тебя.

Раздался гулкий звук, когда лук Фэн Юя упал на землю. Теперь, когда все вокруг затихло, он подбежал к своей богине, которая представляла собой лишь отвратительный изуродованный труп. Он бросился к ней, но остановился у ее ног, его горло пересохло и сжалось.

Неужели это та богиня, в которую он влюбился? Она жила с ним на склоне горы, смеялась и оставалась с ним, даже когда он превратился в лягушку.

Была ли это его Бай Цяоинь? Самый нежный и прекрасный человек, которого он когда-либо знал, который с усмешкой говорил:

«Может быть, мне стоит попросить Небеса превратить меня в лягушку, как ты думаешь, любимый? Из меня получилась бы такая милая маленькая лягушка»

А после она целовала его в нос.

Но длинные шелковистые волосы теперь были просто в беспорядке. Его пальцы дрожали, когда он опускался на колени рядом с ней, чтобы дотронуться до черного грубого беспорядка на ее голове.

«Дорогая моя, – сказал он ей однажды, – у тебя такие прекрасные волосы. Если бы ты превратилась в лягушку, ты не думаешь, что это было бы обидно?».

Ее смех был как летний ветерок, теплый и мягкий для его ушей:

«Ты хочешь сказать, что любишь меня только за мои волосы?» – ее длинные нежные пальцы пробежались по блестящим волосам цвета черного дерева, а глаза засияли звездным светом.

«Даже если бы ты превратилась в лягушку, я бы все равно любил тебя», – рассмеялся он вместе с ней.

«И пусть ты превратилась в это, я все равно люблю тебя», – сказал он этому разлагающемуся, уродливому трупу.

Он коснулся ее руки, гладкая кожа превратилась в сухую морщинистую кожу. Ее впалые глаза и потрескавшиеся губы, когда-то румяные, теперь стали серыми. Тот, кто знал Бай Цяоинь как богиню с несравненной красотой, не узнал бы чудовище, лежавшее у ног Фэн Юя. Но под сиянием лунного света он все еще мог различить ее черты: веер ресниц и милый заостренный нос, тонкую шею и челюсть в форме персика. И даже если бы никто не смог узнать ее в этом чудовище, она все равно была Бай Цяоинь Фэн Юя.

Его глаза затуманились слезами.

«Прости меня, это все моя вина», – он взял ее обветренную руку в свою и вспомнил ее голос, ее улыбку и глаза. Медленно наклонившись, он поцеловал безжизненные губы.

Грудь Бай Цяоинь, разорванная в клочья и превратившаяся в темное кровавое месиво, снова начала светиться. Но на этот раз сияние было золотым и чистым.

«Что...!» – воскликнул Юань Сюэлань.

Но его быстро заставила замолчать Чэнь Аньюэ:

«Тсс», – она покачала головой, попросив его дать им возможность побыть в тишине.

Золотой свет, сияющий из груди Бай Цяоинь, дрожал и увеличивался, пока не охватил все ее тело. Ее кожа, серая и потрескавшаяся, вновь засияла молодостью. Спутанные и грубые волосы разгладились и превратились в длинные красивые черные локоны. Ее впалые щеки снова наполнились силой. Грязный черный халат превратился в простое, но чистое розовое платье.

Фэн Юй был потрясен, но вскоре его охватили эмоции. Его спина сгорбилась, и он прижался к ее телу.

«Цяоинь, Цяоинь, – умолял он, – пожалуйста, прости меня, я был бесполезен. Я не слушал тебя. Я не сделал того, что ты просила».

Темные ресницы дрогнули. Мягкие белые руки подняли и прижали его к себе, она положила голову ему на плечо и усмехнулась:

«Любимый? Это ты? Не плачь. Я уже в порядке, так что не плачь. Я прощаю тебя».

Но он только сильнее зарыдал в нее, слезы падали ей на шею и плечо. Золотое сияние, покрывавшее все ее тело, было прекрасным и ярким, но постепенно оно начало угасать. Красивая и улыбающаяся Бай Цяоинь стала полупрозрачной, ее фигура пропадала.

«Я рада, что смогла увидеть тебя в последний раз», – вздохнула она, прижавшись к шее Фэн Юя, ее голос был приятным и спокойным.

И вот Фэн Юй в последний раз плакал в ее объятиях. Он наслаждался изгибом ее тела под его руками, ароматом цветов в ее волосах и лирическим тоном ее голоса.

«Цяоинь, Цяоинь, прости меня, – повторял он снова и снова, и жестокое лезвие ненависти к себе резало его душу, – это все моя вина, это все моя вина».

Она отстранилась от него, ее улыбка была великолепна, как утреннее солнце.

«Любимый, – сказала она, – не будь таким грустным, хорошо? В моей жизни нет ничего, о чем бы я когда-либо жалела, и я ни на что на свете не променяю жизнь, которую я прожила с тобой».

Холодная рука коснулась его лица, вытирая слезы. Когда он поднял руку, чтобы взять ее, его пальцы ухватились лишь за призрак, incapable удержать его.

«Любимый, – сказала она, и ее голос зашелестел, как ветер, – однажды, давай встретимся снова».

Наклонившись, она поцеловала его в губы и исчезла под серебристым сиянием лунного света.

Фэн Юй стоял на коленях и плакал, плакал и плакал. Пока его юный облик не стал старым и морщинистым, а черные волосы не поредели, а затем побелели.

Чэнь Аньюэ в ужасе поднесла руки ко рту, наблюдая, как Фэн Юй за мгновение постарел на несколько лет. Ее глаза уже увлажнились от разворачивающейся перед ней трагедии, и она не знала, сможет ли ее сердце выдержать больше.

Юань Сюэлань покачал головой:

«Похоже, проклятие снимается».

Фэн Юй повернулся, чтобы в последний раз встретить взгляды заклинателей, теперь с лицом старого изможденного человека. Он поднял дрожащий палец, указывая в направлении озера, и обветренными губами прошептал: «Под...», но все остальное, что он надеялся сказать, было потеряно, его тело превратилось в пыль.

Они стояли в тишине, вознося молитвы ушедшим. И кроме ветра, шелеста травы и листьев, больше никто не проронил ни звука.

«Бедный Фэн Юй...», – Чэнь Аньюэ вздохнула и покачала головой, ее сердце переполнилось сочувствием, слезы готовы были хлынуть из глаз, она искренне молилась, чтобы эти две души однажды снова пересеклись.

Лю Сумэн ничего не сказал, чувствуя себя неуверенно и тяжело. И хотя выражение его лица было неизменным, в голове у него крутился вихрь мыслей. Он гадал, действительно ли эти двое могут встретиться снова? Или это было лишь мимолетное желание уходящей души? Когда он действительно задумался об этом, его охватило чувство благодарности, ведь он был благословлен тем, что смог умереть и сразу же встретить того, кого хотел увидеть. Он не знал, что сделал, чтобы получить это благословение, но Лю Сумэн поклялся, что будет бережно хранить его. Он вздохнул. Рана на его плече пульсировала, и он чувствовал легкое головокружение.

В отличие от своих спутников, Юань Сюэлань не чувствовал себя тронутым. Однако он вел себя почтительно и молчал. Но его мысли были сосредоточены на последних словах Фэн Юя. Он оглянулся на озеро со сжатыми губами, недоумевая, почему лягушонок указывал в том направлении. Преодолевая любопытство, он вышел на помост и посмотрел на воду внизу.

Было ли там что-то внизу? Может быть, ему стоит нырнуть и выяснить это?

«Лю-гэ, ты в порядке?» – Чэнь Аньюэ подошла к нему, хмурясь на раны, украшавшие его руку. Она посмотрела на его лицо, которое выглядело гораздо бледнее, чем раньше.

Лю Сумэн покачал головой:

«Я буду в порядке».

У него все еще была припрятана восстанавливающая пилюля. Но он не хотел ее использовать, чувствуя, что в этой череде событий чего-то не хватает. Должно было быть что-то еще, что лишило его воспоминаний о прежней жизни. Он перевел взгляд на Юаня Сюэланя и таинственное озеро.

Но тут его внимание привлекло что-то еще, мелькнувшее среди деревьев. Он среагировал инстинктивно, не обращая внимания на усталость и боль, сковывающую тело. Лю Сумэн бросился вперед, оттолкнув удивленную Чэнь Аньюэ.

Он поднял свой клинок, едва отклонив меч, опускающийся на Юаня Сюэланя.

«...!» – Лю Сумэн стиснул зубы, но силы подвели его, и Миншуй выпал из его хватки. Перед ним стояла загадочная фигура в черных одеждах и черной маске бабочки. К ножнам ятагана был привязан серебряный колокольчик, который не мог не показаться Лю Сумэну знакомым.

«Что...!» – Юань Сюэлань задохнулся и закричал, только тогда осознав, что что-то не так, но он

среагировал слишком медленно, и мужчина вонзил меч в живот Лю Сумэна. В воздухе запахло пионом и женьшенем, и Лю Сумэн мгновенно почувствовал головокружение. К нему обращались люди, он слышал звон стали и звук бегущих ног. Но его зрение было уже затуманено, и Лю Сумэн уже не понимал, что происходит.

«Лю-гэ!»

«Будь ты проклят, Лю Сумэн!»

Аромат пиона и женьшеня стал сильнее, он почувствовал, как по позвоночнику поползли мурашки, плотный слой духовной энергии омывал его, внушая страх. В тумане своих мыслей и вращающегося мира Лю Сумэн вспомнил о пилюле и дрожащей рукой нащупал ее. Когда он, наконец, смог достать ее, кому-то другому пришлось проталкивать пилюлю через его губы, потому что его сознание быстро улетучивалось. Он мог поклясться, что слышал плеск воды и чьи-то крики, призывающие его не засыпать.

Извините, но он действительно не мог бодрствовать.

Читайте на 50% дешевле <https://mirnovel.ru/book/139>

<http://bllate.org/book/14171/1247776>